

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

„Убийство“, рассказ А. Чехова. — „Юбилей“, повесть Г. Албова. — „Камо грядеши?“, ром. Сенкевича. — „Подъ землей“, очерк Г. Серафимовича. — „Эпипсидионъ“, поэма Шелли. — „Война у разныхъ народовъ“, Летурино. — Земскія школы и ихъ дѣяніе на жизнь народа.

Въ ноябрьской книжкѣ «Русской Мысли» помѣщенъ рассказъ А. Чехова — «Убийство». Написанъ онъ съ обычнымъ этому писателю мастерствомъ; фигуры отчетливы, выпуклы, живы, психологическій анализъ — поразителенъ. Передъ нами два брата — Матвій и Яковъ Тереховы и сестра ихъ Аглая. У нихъ былъ трактиръ возлѣ какой то маленькой желѣзнодорожной станціи въ глуши. Это была семья, отличавшаяся необычайной религіозностью; всѣ представители ея были склонны къ мечтаніямъ и къ колебаніямъ въ вѣрѣ. Почти каждое поколѣніе ея, — говоритъ А. Чеховъ, — вѣровало какъ нибудь особенно. У всѣхъ у нихъ была та особенность, что они понимали писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, увѣряя, что въ каждомъ святомъ словѣ должна скрываться какая нибудь тайна. Этими же чертами и склонностью къ мечтаніямъ отличались и братья съ сестрой.

Младшій братъ Матвій жилъ вначалѣ аскетомъ, соблюдая чистоту тѣлесную. Онъ не только соблюдалъ замѣчательно строго всѣ посты, но и налагалъ на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни таскалъ, на снѣгъ выходилъ босикомъ, вериги носилъ. Истязая себя и ведя жизнь праведника, Матвій возгордился, возгласилъ себя чуть-ли не святымъ. Онъ считалъ недостойнымъ молиться въ церквахъ вмѣстѣ съ другими «грѣшниками» и открылъ свою собственную моленную. «Повадилась ко мнѣ, — рассказывалъ Матвій, — разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой

и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла».

Все это кончилось весьма плачевно: во время одного изъ такихъ общихъ моленій съ дѣвками, Матвій «въ дикомъ безпамятствѣ впалъ въ блудъ». Послѣ этого событія Матвій усомнился въ своей святости, а вскорѣ и окончательно убѣдился, что всѣ его подвиги умерщвленія плоти, всѣ иступленныя моленія не могутъ быть угодны Богу. Понявъ онъ, что нужно быть «какъ всѣ», что вериги, тяжелые посты, тысячи земныхъ поклоновъ все это отъ гордости. Отдалъ онъ всѣ свои деньги «душенькѣ» своей, съ которою согрѣшилъ и поселился у старшаго брата Якова Ивановича. Это была натура тяжелая, массивная, мрачная. «Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ и потому, что священники пили вино въ непоказное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей». Во всемъ, даже въ обыденной жизни своей, онъ строго держался устава: такъ, если въ Великомъ посту въ какой нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино «ради труда бѣднаго», то онъ непремѣнно пилъ вино, даже если не хотѣлось. «Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія либо блага, а для порядка»...

Но этотъ порядокъ, къ великому огорченію Якова Ивановича, ежечасно нарушался Матвѣемъ, ставшимъ принципиальнымъ врагомъ всякой религіозной исключительности, нетерпимости. Каждый день во время молитвы онъ входилъ въ моленную и кричалъ: «образумьтесь, братецъ! покаяйтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Ивановича бросало въ жаръ. Случилось, что и по ночамъ не давалъ ему покоя братъ Матвій. Войдетъ въ моленную и начнетъ говорить: «Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Вы же

деньги въ ростъ даете, водочкой торгуете. Покайтесь!»

Всѣ эти призывы къ покаянію Якову Иваницу казались пустяками, но тѣмъ не менѣ въ душу его закралось мнѣніе: точно-ли по Божьему онъ поступаетъ, отдавая въ ростъ деньги и торгуя водкой. Отъ бываго покоя въ душѣ не осталось и слѣда. Равновѣсіе было нарушено, Яковъ Иваницъ терзался. Своей вѣрой и молитвами онъ остался недоволенъ. Надо было каяться, надо было опомниться, образумиться, жить и молиться какъ то иначе. Но какъ?

Кто можетъ научить?

А. Чеховъ мастерски раскрываетъ передъ нами эту страшную разрушительную работу совѣсти, проснувшейся въ полудинкой темной и могучей душѣ Якова. Онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за ней; отмѣчаетъ всѣ шаги ея. Но эта работа отрицательная; на смѣну погибающимъ вѣрованіямъ ничто не приходитъ, и Яковъ, терзаемый этой пустотой, начинаетъ ненавидѣть виновника ея, брата Матвѣя. Его «покайтесь!» раздражало, приводило въ настоящую ярость Якова, онъ не могъ равнодушно слушать.

И это нарастаніе ненависти отмѣчено А. Чеховымъ съ поразительнымъ знаніемъ души человѣка.

Кончается все это внезапнымъ, почти нечаяннымъ убійствомъ Матвѣя во время одной изъ вспышекъ гнѣва Якова. Сцена убійства—нѣчто ужасное по своей жизненности. Не преувеличивая, можно сказать, что безъ ужаса ее нельзя читать.

Но вотъ Яковъ въ тюрьмѣ. «Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумной, темной»...

И только на каторгѣ, на Сахалинѣ, «съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ... съ тѣхъ поръ, какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься

къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ ждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ. Все уже зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить».

Разсказъ оканчивается настоящимъ воплемъ измученной, изуродованной души человѣка. «Не могъ понять этотъ человѣкъ, нашедшій Бога, почему такъ дорого обошлась ему его вѣра, почему понадобилось для этого столько страданій. Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что сквозь тысячи верстъ этой тьмы онъ видитъ родину... видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ... Сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя-бы одного человѣка».

Въ той-же книжкѣ журнала помѣщено продолженіе повѣсти г. Альбова—«Юбилей». Написана она довольно живо, интересно; читается легко, но и только, ничего болѣе про нее нельзя сказать. Романъ Сенкевича—«Намо грядеши?» по прежнему не дѣлаетъ чести такому крупному таланту, какъ авторъ его. Слишкомъ ужъ мало въ немъ жизни, движенія, слишкомъ много разсужденій, точно читаешь какую нибудь монографію изъ жизни первыхъ христіанъ. Среднее мѣсто между беллетристикой и публицистикой занимаетъ въ журналѣ очеркъ г. Серафимовича—«Подъ землей», описывающій тяжелую, каторжную жизнь рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ. Любителямъ поэзіи тонкой, изящной особенно рекомендуемъ поэму знаменитаго англійскаго поэта Шелли—«Эпиписхидіонъ» въ очень педурномъ переводѣ г. Бальмонта.

Ноэма эта, выражаясь словами переводчика, будучи продиктована исключительнымъ настроеніемъ исключительной артистической натуры, затрогиваетъ одновременно умъ, сердце и фантазію.

Въ великому сожалѣнію, мы совер-